

— Обменяться чем? — Тун Чжао опустил взгляд на кольцо, которое свободно болталось на его пальце. Он замер на мгновение, прежде чем до него дошел смысл слов Шань Суна.

Затем его вновь охватило замешательство.

Почувствовав, как Шань Сун слегка сжал его пальцы, напоминая о происходящем, Тун Чжао опомнился. Пока в зале не поднялся второй гул перешептываний, он поспешно надел второе кольцо на основание пальца Шань Суна.

Подняв голову, он тут же встретился с ним взглядом.

Высокая фигура полностью заслонила его собой. Выдающиеся скулы, нахмуренные брови, глубокие, словно ледяной омут, глаза, не мигая, сверлили его взглядом.

Столь свирепый вид должен был лишать дыхания, но объект этого пристального внимания не почувствовал ни капли страха.

Тун Чжао дважды взмахнул ресницами и опустил глаза.

Омега, который до этого момента сохранял отстраненность, наконец ощутил реальность происходящего: этот альфа перед ним — его жених.

Если уж брака не избежать, то этот альфа, кажется... вполне приемлем.

Церемония продолжалась под звучные речи ведущего. Сойдя со сцены, Тун Чжао и Шань Сун вернулись на свои места.

Пока Чжоу Муюань отчитывал его, Шань Сун предавался воспоминаниям о том, как пальцы Тун Чжао едва коснулись его ладони — то ли случайно, то ли намеренно.

Бесспорно было одно: это осторожное прикосновение на мгновение всколыхнуло в душе Шань Суна бурю.

Вспомнив ясные, глубокие глаза Тун Чжао, Шань Сун тихо цыкнул, подавляя возникшее внутри беспокойство.

И правда, стыдно обманывать доверие этого ребенка.

Погрузившись в свои мысли, Шань Сун не заметил, как его реакция была истолкована Чжоу Муюанем совершенно иначе.

Раздраженный показным равнодушием сына, Чжоу Муюань, находившийся на грани ярости, почти взорвался:

— У тебя есть какие-то возражения? Этот брак состоится, хочешь ты того или нет. Разве ты не мастер предавать своих ради выгоды? Если такой способный, то впредь можешь вообще не возвращаться в дом Чжоу.

Шань Сун очнулся от окрика, нахмурился и искоса взглянул на отца.

В этот момент мачеха прошептала рядом:

— Старый Чжоу, мне кажется, Сяо Сун всё еще не питает чувств к ребенку семьи Цинь. Может, не стоит его принуждать?

Затем она повернулась к Шань Суну, притворно сочувствуя:

— Сяо Сун, извинись перед отцом, не будь таким упрямым.

— Смешно! Он что, думает, что это игрушки? Союз двух семей — дело серьезное, как можно менять решение на ходу? Еще на сцене начал кривляться, он вообще во мне отца видит?

— Папа, брат наверняка не нарочно. Разве брат не собирался вернуться в компанию, чтобы помочь тебе? К тому же, будущий супруг такой красивый... — Чжоу Синьлинь сделал многозначительную паузу. — Брат, как ты можешь быть недоволен, правда ведь?

Шань Сун холодно усмехнулся, наблюдая за игрой этой парочки, и ответил равнодушно:

— Я еще ничего не сказал, а вы уже вынесли мне приговор?

— Разве мы тебя оклеветали?

Чжоу Муюань метнул на него свирепый взгляд, словно перед ним стоял не сын, а злейший враг.

— Раз вы уже решили, что я не хочу этого брака, мне нечего возразить. Но я хотел бы спросить моего дорогого младшего брата...

Шань Сун сделал два шага вперед, и его властный взгляд заставил Чжоу Синьлиня, только что дерзившего ему, попятиться. Проведя взглядом по всей троице, он вновь остановился на брате, и его глаза внезапно стали ледяными:

— Что значит красивый? Неужели у тебя есть какие-то тайные мысли насчет моего супруга?

— Как ты разговариваешь с братом! — раздался ожидаемый рев. — Негодник!

— Он же зарится на моего омегу! Отец только что учил меня послушанию, так, может, теперь

вы хотите, чтобы я уступил его брату? Если вы правда этого хотите, пока мы еще не расписаны, это вполне осуществимо.

Шань Сун с интересом наблюдал, как лицо Чжоу Синьлиня меняется с белого на черное, и добавил с улыбкой:

— Ну как? Дорогой братец, если так хочется породниться с семьей Цинь, я, как старший брат, с радостью уступлю.

Чжоу Синьлинь ответил резко, пытаясь скрыть испуг:

— Брату лучше не шутить такими вещами!

— Это не шутка. Что скажете? — Шань Сун повернулся к Чжоу Муюаню. — Мы оба унаследовали ваши выдающиеся гены, так что младший брат тоже отлично подойдет этому прекрасному омеге, верно?

— Ты! Ты... — Чжоу Муюань дрожащим пальцем указал на Шань Суна, губы его беззвучно шевелились, лицо исказилось от злости.

Мачеха Жуань Цюцзюй, наблюдавшая за этим представлением, видя, что огонь перекинулся на ее сына, поспешила вмешаться:

— Старый Чжоу, не злись. Кто же воспринимает помолвку как шутку? Ребенок просто злится, что ты выгнал его из компании. Отец и сын могут поссориться, но компания такая большая, как ты справишься один? Синьлинь еще молод, позволь Сяо Суну вернуться и помочь тебе!

— Что ты понимаешь? Я что, не смогу его укротить? — Чжоу Муюань, словно получив подсказку, ткнул пальцем в лицо Шань Суна: — Не думай, что дом Чжоу не справится без тебя. Хочешь вернуться в компанию? Пока не женишься, даже не смей переступить порог Чжоу Групп!

Шань Сун остался бесстрастным, голос его звучал ровно:

— Как скажет отец.

— Хм! — Чжоу Муюань, видя, что держит сына за слабое место, остался доволен: недоволен он или нет, всё равно вынужден подчиниться, совсем как его покойная мать.

При этой мысли гнев Чжоу Муюаня поутих, и он, демонстративно махнув рукой, ушел.

Чжоу Синьлинь с матерью последовали за ним, напоследок бросив на Шань Суна вызывающие взгляды.

Церемония подходила к концу. Уход главы семьи Чжоу не вызвал особого шума, но до ушей Тун

Чжао всё же донеслись обрывки фраз.

В основном это были пересуды о том, что семья Чжоу им недовольна, а Шань Сун его ненавидит. Говорили украдкой, и Тун Чжао не придавал этому особого значения.

Однако, случайно услышав, как кто-то сказал: Жаль старшего сына семьи Чжоу, мать умерла, мачеха заняла ее место, даже собственную помолвку не может решить, — он внезапно замер.

Он отыскал взглядом Шань Суна в толпе. Высокий, статный мужчина словно отгородился от всего, что происходило в банкетном зале. Почувствовав на себе взгляд, он резко обернулся, его глаза блеснули такой остротой, что по спине Тун Чжао пробежали мурашки — возникло странное ощущение, будто на него смотрит хищник.

Шань Сун повернул голову, и, увидев, что это Тун Чжао, смягчился. Бровь его слегка приподнялась: что это за выражение лица?

После короткого обмена взглядами Тун Чжао позвали члены семьи Цинь, а когда он обернулся, Шань Суна уже не было.

В кармане завибрировал телефон. На экране высветилось сообщение от Шань Суна:

Возвращайся, отдохни как следует, не думай о лишнем. Будем на связи.

Тун Чжао напечатал в ответ:

Хорошо, ты тоже.

...

Вернувшись в дом Цинь, Тун Чжао обнаружил, что Цинь Даошэн приставил к нему нескольких телохранителей и переселил в главный дом — видимо, опасаясь, что он сбежит.

Тун Чжао не придавал их подозрительности значения, напротив, он чувствовал себя даже свободнее: в главном доме людей было меньше, а члены семьи Цинь были слишком заняты сотрудничеством с домом Чжоу, чтобы обращать на него внимание.

Пусть телохранители за дверью и не спускали с него глаз, по крайней мере, ему больше не приходилось каждый день дрожать от страха за свою судьбу.

А благодаря подсознательному доверию к Шань Суну, Тун Чжао несколько ночей спал спокойно.

Восстановив силы, он решил осмотреться в поместье Цинь.

Однако он никак не ожидал, что, едва выйдя из дома, столкнется со старым знакомым.

<http://bllate.org/book/20016/1975118>